

Информация для цитирования:

Милованова М. В. От «отходов» к «отношениям»: семантическая экспансия лексем *токсичный* vs. *toxisch* в русском и немецком языках / М. В. Милованова, Н. Л. Шамне // Научный диалог. — 2026. — Т. 15, № 5. — С. 68—83. — DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-5-68-83.

Milovanova, M. V., Shamne, N. L. (2026). From «Waste» to «Relationships»: Semantic Expansion of Lexemes «токсичный» vs. «toxisch» in Russian and German. *Nauchnyi dialog*, 15 (5): 68-83. DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-5-68-83. (In Russ.).

Web of Science™

DOAJ

РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

**От «отходов»
к «отношениям»:
семантическая экспансия
лексем *токсичный*
vs. *toxisch* в русском
и немецком языках**

Милованова Марина Васильевна

orcid.org/0000-0002-6198-6972

доктор филологических наук,

профессор,

кафедра русской филологии

и журналистики,

корреспондирующий автор

mv_milovanova@volsu.ru

Шамне Николай Леонидович

orcid.org/0000-0002-5745-8907

доктор филологических наук,

профессор,

кафедра иноязычной коммуникации

и лингводидактики

nikolay.shamne@volsu.ru

Волгоградский
государственный университет
(Волгоград, Россия)

**From «Waste»
to «Relationships»:
Semantic Expansion
of Lexemes
«токсичный» vs. «toxisch»
in Russian and German**

Marina V. Milovanova

orcid.org/0000-0002-6198-6972

Doctor of Philology, Professor,

Department of Russian Philology

and Journalism,

corresponding author

mv_milovanova@volsu.ru

Nikolay L. Shamne

orcid.org/0000-0002-5745-8907

Doctor of Philology, Professor,

Department of Foreign Language

Communication and Linguodidactics

nikolay.shamne@volsu.ru

Volgograd State University
(Volgograd, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматривается понятие, обозначенное лексемами *токсичный* и *toxisch* в русском и немецком языках. Материалом исследования являются языковые корпуса: Национальный корпус русского языка и *Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache* (цифровой словарь немецкого языка), а также данные цифрового следа (поисковые запросы, Яндекс.Wordstat, Google Trends). Цель работы состоит в выявлении особенностей семантической экспансии указанных единиц в русской и немецкой лингвокультурах: от объективации физико-химического вреда к социально-психологическим контекстам. Выявлены ключевые тематические кластеры коллокаций для каждой лингвокультуры и специфика коллокационных профилей: в русском языке профиль лексемы *токсичный* ограничен исходной предметной областью — экология, химия (прямое значение); в немецком языке лексема *toxisch* демонстрирует активное использование за пределами исходной предметной области — в публичном дискурсе (переносное значение). В качестве общего механизма экспансии определена концептуальная метафора вредного социального воздействия как физического яда. Установлено, что культурно-специфичные векторы этого переноса различны: в немецком языке доминирует социальная прагматика: критика патриархальных структур, обсуждение психического здоровья и качества социальных взаимодействий; в русском языке отмечается процесс формирования бытовой, прикладной концептуализации токсичности, прежде всего в сфере личных отношений.

Ключевые слова:

токсичный; *toxisch*; коллокационный профиль; семантическая экспансия; русская лингвокультура; немецкая лингвокультура.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This paper examines the concept denoted by the lexemes *токсичный* in Russian and *toxisch* in German. The research is based on linguistic corpora, including the Russian National Corpus and the *Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache*, as well as digital footprint data (search queries, Yandex. Wordstat, Google Trends). The study aims to identify the specifics of the semantic expansion of these units within Russian and German linguocultures, tracing their evolution from the objectification of physicochemical harm to socio-psychological contexts. Key thematic clusters of collocations for each linguoculture are identified, along with the distinctive features of their collocation profiles: in Russian, the profile of *токсичный* remains largely confined to its original domain — ecology and chemistry (denotative meaning); in German, *toxisch* is actively employed beyond its initial domain, permeating public discourse (figurative meaning). A general mechanism of expansion is identified as the conceptual metaphor of harmful social influence as a physical poison. It is established that culturally specific vectors of this metaphorical transfer differ: in German, social pragmatics dominates, including criticism of patriarchal structures, discussions of mental health, and the quality of social interactions; in Russian, there is an emerging process of everyday, applied conceptualization of toxicity, primarily within the sphere of personal relationships.

Key words:

токсичный; *toxisch*; collocation profile; semantic expansion; Russian linguoculture; German linguoculture.

УДК 811.112.2'37+811.161.1'37

DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-5-68-83

Научная специальность ВАК

5.9.5. Русский язык. Языки народов России

5.9.6. Языки народов зарубежных стран

5.9.8. Теоретическая, прикладная и
сравнительно-сопоставительная лингвистика

От «отходов» к «отношениям»: семантическая экспансия лексем *токсичный* vs. *toxisch* в русском и немецком языках

© Милованова М. В., Шамне Н. Л., 2026

1. Введение = Introduction

В настоящий момент в различных областях научного знания современную эпоху, в которой определяющим фактором влияния на экосистему является деятельность человека, называют *эпохой антропоцена*, а современное общество — *обществом риска* (термин немецкого социолога Ульрика Бека). В таких условиях понятия вреда, опасности, деструктивности в самом широком смысле могут выступать ключевым фокусом, через который осмысливаются социальные, экономические, экологические процессы.

Для того, чтобы установить объем и содержание того или иного понятия, необходимо, как подчеркивает Т. В. Леонтьева, изучать слова в самом широком смысле, именно слова «служат объективной формой, “упаковкой” значения, которая дискретно отражает реальность» [Леонтьева, 2022, с. 72]. Одной из базовых лексем, номинирующих понятие вредоносности, является интернациональная единица *токсичный*, употребительность которой растет как в европейских языках (эквиваленты), так и в русском языке. Для нас представляет интерес сопоставительная характеристика лексем *токсичный* / *toxisch* в русском и немецком языках.

В современном публичном дискурсе лексемы, обозначающие токсичность, в частности *токсичный* / *toxisch*, переживают период семантической экспансии, выходя за пределы терминологических систем химии, биологии и экологии. Их употребление в конструкциях *токсичные отношения*, *toxische Männlichkeit* («токсичная мужественность» = принадлежность к мужскому полу) (здесь и далее перевод наш. — М. М., Н. Ш.), *toxische Debatten* («токсичные дебаты») свидетельствует о формировании новой, социально-ориентированной модели восприятия вреда. Исследование того, как эта модель объективируется и варьируется в разных лингвокультурах, представляется актуальной задачей для когнитивной лингвистики и контрастивной семантики.

В отечественной лингвистике интерес к изучению понятия токсичности активизировался в последнее десятилетие, в том числе в связи с тем, что в 2018 году, как известно, Оксфордский словарь назвал *toxic* словом года. В работах ученых *токсичность* рассматривается применительно к определенным видам текстов (на материале как русского, так и других языков): токсичные медиатексты [«Токсичный медиатекст» ..., 2024], токсичный контент [Сундиев и др., 2020]; в рамках медийной коммуникации [Глущенко, 2021], блогов [Буряковская, 2022], дискурсивных практик [Попова и др., 2020]; с точки зрения лингвоэкологии (введение в оборот термина «лингвотоксины») [Сковородников и др., 2017].

В зарубежной лингвистике, в частности в германистике, понятие токсичности рассматривается прежде всего с позиции лингвокогнитологии и социальной лингвистики, конфликтного дискурса [Felder, 2013; Rüdibusch, 2022; Zifonun, 2023]. Ученых интересуют переносные (социально окрашенные) значения лексемы *toxisch* (токсичный) — сочетания *toxische Ideologie* (токсичная идеология), *toxische Debatte* (токсичные дебаты) и др., при этом особое внимание уделяется выражению *toxische Männlichkeit* (токсичная мужественность) как высокочастотному в немецком публичном дискурсе [«Toxische Männlichkeit» ..., 2019; Hopf, 2023].

Лексемы *токсичный*, *toxisch* представляют собой интернационализм (от лат. *toxicum* — 1) яд для стрел; 2) яд (вообще) [Дворецкий, 1976, с. 1021]), однако их пути интеграции в названные языковые системы, как показал анализ, различны.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Разные способы лингвистического кодирования какого-либо понятия «могут нести информацию об особенностях экстралингвистической реальности, социокультурных параметрах, существующих стереотипах в той или иной сфере» [Милованова и др., 2025, с. 70]. Толковые словари русского литературного языка фиксируют только одно значение единицы *токсичный*, которое указывает на вредоносность, ядовитость в прямом значении (см., например, портал gramota.ru), в отличие от немецкого языка, в котором помимо прямого указывается также переносное значение, например, в широко известном цифровом словаре DWDS: [übertragen] *zerstörerisch bzw. in hohem Maße negativ, schädigend wirkend* — [переносное] *действующий разрушительно или крайне негативно, вредно*. Таким образом, мы можем говорить о различной степени семантической экспансии сравниваемых эквивалентных единиц в русском и немецком языках.

Материалом исследования послужили Национальный корпус русского языка — подкорпус нехудожественных текстов, включающий также газет-

ные ресурсы (НКРЯ), и Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache (DWDS), где также представлены нехудожественные тексты, в том числе газетные издания; для верификации актуальных ассоциативных связей и социокультурных запросов использовались также данные цифрового следа: платформы Яндекс. Wordstat и Google Trends.

Основным методом является коллокационный анализ с применением статистических мер (MI-score, t-score) для объективного выделения значимых слов-спутников. В интерпретации результатов использовались методы концептуально-метафорического анализа и лингвокультурной интерпретации.

На первом этапе процедура анализа включает построение коллокационных профилей. Для лексем *токсичный*, *toxisch* с помощью встроенных инструментов корпусов извлекается список слов-спутников с показателями силы связи (Dice/LogDice — для отбора устойчивых сочетаний, MI — для выявления редких, но важных сочетаний, T-score — для частых, но не обязательно устойчивых сочетаний). Выбирается топ-50 коллокаций с наивысшими показателями LogDice для каждого языка, данный список составляет объективное коллокационное «ядро». Далее мы классифицируем коллокации по соответствующим предметным сферам. На втором этапе анализа проводится сравнение трендов по запросам *токсичный* (регион: Россия) и *toxisch* (регион: Германия) примерно за 20 лет, анализируются графики, наличие пиков. Дополнительно в рамках русского языка используется платформа Яндекс. Wordstat для получения абсолютных чисел запросов, в рамках немецкого языка — подсказки Google с целью фиксации топ-ассоциированных запросов.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

В связи с тем, что для лексемы *toxisch* в большей степени (как мы покажем ниже) характерен процесс семантической экспансии, мы начнем анализ с немецкого языка.

3.1. Коллокационный профиль лексемы *toxisch*

Данные DWDS Wortprofil, основанные на корпусной статистике (логарифмическая мера связи logDice и частота совместной встречаемости Freq), позволяют с высокой точностью определить ключевые и самые устойчивые коллокации в современном немецком языке.

Абсолютно доминирующей коллокацией для лексемы *toxisch* является *toxische Männlichkeit* (токсичная маскулинность). Она возглавляет общий список и список атрибутивных употреблений с рекордными показателями logDice=10.0 и Freq=698, что свидетельствует не просто о высокой частоте этого выражения, а о том, что оно является устойчивым сочетани-

ем социокультурного содержания в немецком публичном дискурсе. Все остальные связи лексемы *toxisch* значительно слабее.

Рассмотрим более подробно группы коллокаций (в том числе с учетом контекстов, где они представлены).

1. Атрибутивные. Данная группа коллокаций определяет, какие явления и объекты чаще всего характеризуются как *toxisch*.

Ведущей сферой (если обратиться к иллюстрирующим коллокации контекстам) является социогуманитарная (топ 1), лексема *toxisch* представлена в газетном и академическом дискурсах в рамках тем феминизма, гендерных исследований и критики патриархата (*Männlichkeit / Maskulinität, Machokultur* — мужественность / маскулинность, мачо-культура). Следующая сфера — финансово-экономическая (топ 2—3) — указывает на связь с прошлыми событиями, в частности с финансовым кризисом в Германии 2008 года, когда в употребление вошло и закрепилось сочетание *toxische Wertpapiere / Aktiva* (токсичные ценные бумаги / активы) для обозначения обесценившихся или высокорискованных финансовых инструментов. Собственно базовое, терминологическое (исходное) значение лексемы *toxisch* представлено в рамках сферы химии и экологии — топ 4—6, то есть не является высокочастотным. И в топе 7 находится использование понятия *toxisch* в рамках так называемой корпоративной культуры.

2. Предикативные. В данной группе коллокаций, если обратиться к контекстам, *toxisch* употребляется после глагола-связки (*sein, werden, gelten* — быть, становиться, считаться; последний глагол актуализирует высказывания дискуссионного, оценочного характера). Группа включает объекты, о которых чаще всего утверждается, что они являются токсичными. Лидирующие позиции занимают различные химические вещества, материалы: *Chemikalie, Substanz, Stoff, Alkohol, Schwermetall* (химикаты, вещество, материал, спирт, тяжелый металл). Обратим особое внимание на следующий факт: коллокат *Beziehung* (отношения) присутствует в списке только на 8-м месте с очень низким показателем \logDice (0.3), хотя имеет достаточную частоту (20). Это означает, что сочетание *toxische Beziehung* (токсичные отношения) является устойчивым атрибутивным блоком, но гораздо реже конструкция строится как *Diese Beziehung ist toxisch* (эти отношения токсичны).

3. Адвербиальные (определение степени токсичности). В данной группе частотны коллокаты: 1) *hochgradig* (высоко, интенсивно), *akut* (остро), *extrem* (крайне), *äußerst* (чрезвычайно), которые подчёркивают силу воздействия и опасность; 2) *potenziell/potentiell* (потенциально), *wenige* (в малых количествах) — указывают на скрытый риск или дозозависимый эффект; 3) *geradezu* (совершенно), *wahrhaft* (истинно), *regelrecht*

(по-настоящему) — используются для усиления, часто в социальном или публицистическом дискурсах.

4. Координационные. В качестве частотных адъективов, с которыми зафиксирована лексема *toxisch* (через союзы *und, oder*) приведены следующие. Ядро списка составляют единицы, квалифицирующие опасность, вредное воздействие того или иного вещества / явления: *krebserregend / kanzerogen / krebserzeugend* (канцерогенный), *brennbar* (горючий), *explosiv* (взрывоопасный), *radioaktiv* (радиоактивный). В качестве примеров представлены контексты из инструкций по безопасности, экологических отчетов. Частотна также единица *illiquide* (неликвидный), связанная с понятием «токсичные активы».

5. Еще одна группа коллокаций показывает нам связи наречной формы *toxisch*. Здесь частотная сочетаемость отмечена с глаголом *wirken* (действовать), который выступает ключевой единицей для описания эффекта токсичности: *etwas wirkt toxisch* (что-то действует токсично).

Таким образом, анализ коллокационного профиля лексемы *toxisch* показал следующее. Выражение *toxische Männlichkeit* является лидирующим, это сложившееся лексикализованное понятие в немецком языке, так называемый «индикатор времени» [Шамне и др., 2025, с. 184], особенно широко представленное в социальных науках и медиадискурсе. По силе связей можно выделить три репрезентативных дискурса: социально-критический / гендерный, финансово-экономический, химико-экологический.

Данные DWDS наглядно фиксируют, что в немецком языке лексема *toxisch* — это в первую очередь понятие социальной диагностики и критики (что во многом связано с распространением в Германии такого социального явления, как общественные дебаты), и лишь во вторую — научный дескриптор.

3.2. Коллокационный профиль лексемы *токсичный*

Прежде чем перейти к анализу, заметим, что в НКРЯ, в отличие от немецкого корпуса, последние случаи употребления лексемы *токсичный* ограничиваются 2021 годом.

В НКРЯ коллокации приводятся не группами, они представлены в виде таблицы со статистическими мерами связи. Ключевой показатель для анализа силы связи — Dice (и его логарифмическая версия $\log Dice$). Высокий показатель Dice (близкий к 10) указывает на устойчивую, терминологическую связь. Анализ таблицы коллокаций показывает, что в русском языке лексема *токсичный* функционирует преимущественно как научно-технический и экологический термин; ядро составляют коллокации с названиями опасных веществ, отходов и процессов обращения с ними. Социально-психологическая сфера («токсичные отношения») отражена очень слабо.

Исходя из таблицы коллокаций, можно выделить 1) ядро (очень сильные связи), в рамках которого отмечены самые высокие показатели Dice (>9.0) у лексикализованных, почти неразрывных сочетаний; 2) коллокации с сильными связями; 3) со слабыми связями.

1. Ядро. Данные коллокации (согласно примерам) представлены в следующих сферах:

1) безопасность и классификации уровней опасностей: *токсичный 2-м, взрывопожароопасный, канцерогенный, взрывоопасный, радиоактивный*. Контексты относятся преимущественно к административно-техническому регистру (ГОСТы, инструкции, паспорта безопасности);

2) экология и промышленность: *отходы, обезвреживание, захоронение, выброс*. Заметим, что самая сильная связь зафиксирована с единицей *отходы* (Dice=9.74, Freq=14). Это позволяет утверждать, что выражение *токсичные отходы* можно рассматривать как устойчивое сочетание;

3) физико-химическая сфера — вещества и компоненты: *вещество* (абсолютный лидер по частоте совместной встречаемости — 151), *компонент, соединение, препарат, металл, газ, продукт*.

Итак, ядерные коллокации показывают, что лексема *токсичный* в первую очередь актуализирует параметр опасности материального объекта и используется в текстах регулирующего, научного и производственного характера.

2. Сильные связи. Показатели Dice в диапазоне 8.0—9.0. Коллокации конкретизируют объекты и процессы. В составе коллокаций: 1) конкретные опасные объекты: *ртуть, свинец, азот* (в форме токсичных соединений), *бактерия*; 2) параметры и процессы: *концентрация, доза, выделение, накопление, воздействие*; 3) экономический процесс: *актив* (токсичный актив); как и в немецком языке, данная коллокация отражает исторический факт — период финансового кризиса, но в русском корпусе эта связь менее выражена (Dice=8.08, Freq=9).

3. Слабые связи. Здесь показатели Dice ниже 7.0. В составе коллокаций отмечены общепотребительные единицы, адеквативная сочетаемость которых широка (*действие, уровень, содержание*), либо глаголы достаточно широкой семантики и предлоги, союзы (*вызывать, являться, для, и, в, на*), их представленность обусловлена не специфической связью с лексемой *токсичный*, а грамматически.

Обратим внимание на следующий факт. В топ-50 по показателю Dice не вошли единицы *отношения, человек, мужчина, поведение, психология*. Лексема *человек* появляется лишь в конце списка с очень низким Dice=3.46, что указывает на случайную, а не устойчивую связь. Это может быть связано в том числе с отсутствием в корпусе данных за последние четыре года.

3.3. Коллокационные профили *токсичный*, *toxisch*: сравнение

Обобщенно представим сравнение по отдельным параметрам.

Доминирующий дискурс: *токсичный* — научно-технический, экологический, промышленный; ядро коллокаций составляют номинации опасных веществ и отходов; *toxisch* — социально-критический, психологический, гендерный; ядро — критика социальных норм и моделей поведения.

Ключевая коллокация: *токсичный* — *токсичные отходы* (сильнейшая устойчивая связь); *toxisch* — *toxische Männlichkeit* (токсичная мужественность) (наивысшая частотность с максимальными показателями).

Сферы: *токсичный* — основная и самая детализированная — химико-экологическая (широкий спектр веществ, процессов и параметров); *toxisch* — социально-психологическая (*Beziehung* — отношения, *Arbeitsklima* — рабочая атмосфера, *Maskulinität* — маскулинность).

Лингвистические характеристики: *токсичный* — специальный термин, закрепленный за конкретной профессиональной сферой, используется предметно (преимущественно); *toxisch* — социальный концепт и оценочный маркер, используется оценочно-метафорически (преимущественно).

Таким образом, можно говорить о разных путях семантического развития калькированных единиц *токсичный*, *toxisch* в русской и немецкой лингвокультурах.

В русском языке лексема *токсичный* осталась в основном в той же предметной области, откуда была заимствована: в химии, экологии, промышленной безопасности. Мы не наблюдаем процесс масштабной семантической экспансии в сферы социальных наук и повседневной речи, что подтверждается и данными Яндекс.Wordstat (о чем мы скажем ниже), где такие контексты отмечены, но в корпусе письменных нормированных текстов они представлены не частотно. В русском языке для объективации «токсичных отношений» в большей степени используются описательные конструкции или лексема *ядовитый* в метафорическом употреблении.

В немецком языке единица *toxisch* пережила полномасштабный переход из сферы естественных наук в сферу гуманитарную (концептуальная метафора вредного социального воздействия как физического яда). Данная лексема стала активно употребляться в области социальной диагностики и критики. Так, основная функция *toxisch* в современном немецком языке не описывать ртуть и др., а критиковать — патриархат, экономику и нездоровую коммуникацию.

3.4. Токсичный, *toxisch*: динамика и прагматика поисковых запросов

С целью более полного описания сходств и различий в развитии в сопоставляемых языках семантики лексем *токсичный*, *toxisch* обратимся

к анализу динамики и прагматики поисковых запросов за период примерно 20 лет (с 2004 года) на основе Google Trends и к сведениям платформы Яндекс.Wordstat (wordstat.yandex.ru), что позволяет также получить данные последних лет в рамках российского сегмента, отсутствующие в НКРЯ.

Сравнение трендов (Google Trends) показало следующее.

Применительно к России (рис. 1) интерес к понятию «токсичный» оставался на низком уровне с 2004 года. Первый значительный и устойчивый рост начинается в конце 2016 — начале 2017 годов. После этого уровень интереса демонстрирует стабильно высокий тренд с регулярными всплесками. Это указывает на закрепление слова в активном лексиконе. Если говорить о пиках, то самый высокий приходится на ноябрь 2021 года. Этот всплеск с высокой долей вероятности связан с выходом в российский прокат (октябрь 2021) голливудского фильма «Venom 2», который в русскоязычном пространстве активно рекламировался и обсуждался под названием «Веном» (от англ. *venom* — яд). В данном случае мы можем говорить о явлении медийного триггера.

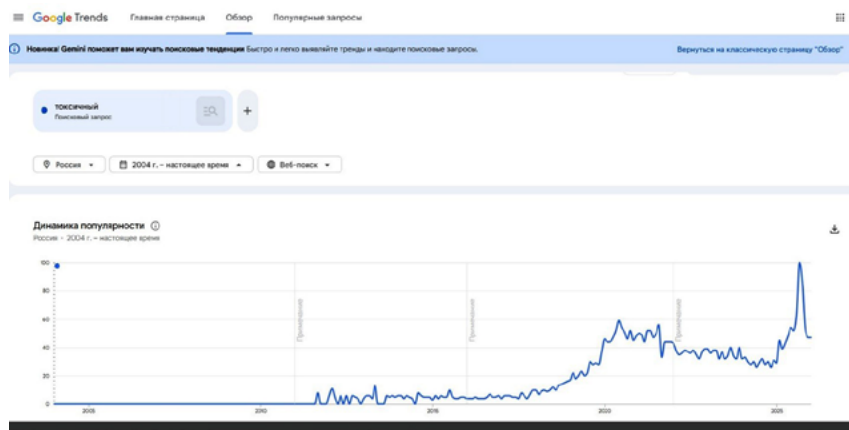

Рис. 1. Токсичный: динамика запросов с 2004 года по 2025 годы (Россия)

Fig. 1. Toxic: Trends in Searches from 2004 to 2025 (Russia)

Применительно к Германии наблюдается принципиально иная динамика употребления слова (рис. 2). Интерес к нему стал заметно выше с начала наблюдений — с 2004 года. Рост также начинается раньше, около 2011—2012 годов, и носит более плавный характер. После 2017—2018 годов график выходит на плато, оставаясь на очень высоком уровне, что говорит о полной ассимиляции понятия *toxisch* в общественном дискурсе. График

линии запросов более ровный, без резких единичных пиков. Это говорит о том, что популярность слова *toxisch* в немецком сегменте менее зависима от единичных медийных событий и в большей степени обусловлена длительными социальными трендами и дискуссиями (например, продолжающимся обсуждением укоренившегося понятия *toxische Männlichkeit* («токсичная мужественность») в рамках феминистского и гендерного дискурса, или темы «*toxische Beziehungen*» («токсичные отношения») в популярной психологии).

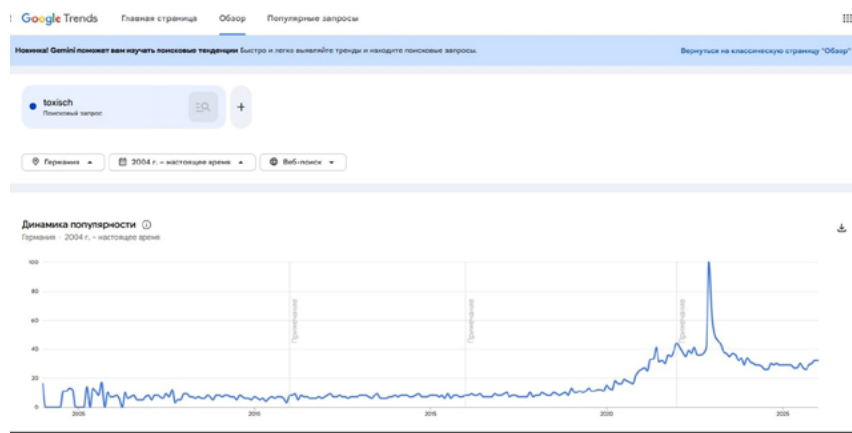

Рис. 2. *Toxisch*: динамика запросов с 2004 года по 2025 годы (Германия)

Fig. 1. *Toxic*: Trends in Searches from 2004 to 2025 (Germany)

Таким образом, анализ динамики поисковых запросов, согласно Google Trends, показывает, что понятие токсичности раньше и органичнее вошло в массовое сознание носителей немецкого языка, став частью устойчивого социального дискурса. В России его инфильтрация была более резкой и обусловленной во многом инокультурным влиянием, после чего слово закрепились и также стало активно использоваться.

Обратимся к анализу прагматики запросов. В рамках русского сегмента данные по запросам представляет ресурс Яндекс.Wordstat, согласно которому можно привести следующий топ запросов (по частотности):

1. *Токсичные отношения* (22 390) — абсолютный лидер.
2. *Токсичные вещества* (18 913).
3. *Токсичный мститель* / фильм (14 285 / 12 394) — медийный продукт.
4. *Токсичный город* / ансамбль (названия сериала и музыкальной группы) — поп-культура.

5. *Токсичен ли...* (8 256) — запрос в сфере экспертизы, диагностики.

Семантические кластеры:

1. Социальные отношения и психология (доминирующий кластер): *отношения, любовь, родители, человек, друзья, муж/бывший, признаки, что значит, как общаться, как выйти*. Как видим, запросы носят диагностический и практический характер.

2. Материальная / экологическая токсичность (традиционный кластер): *вещества, отходы, газы, продукты, воздействие, выбросы*. В данном случае это преимущественно справочные и научно-популярные запросы.

3. Поп-культура и медиа: *мститель* (фильм), *город* (сериал), *ансамбль* (музыкальная группа «Токсичный ансамбль Лягуха»), *лягуха*. Этот кластер включает запросы развлекательного характера, здесь возможны резкие всплески популярности.

4. Запросы в рамках дефиниций и экспертизы: *токсичен ли, является, почему, что значит, это простыми словами*. Данный кластер отражает активное усвоение и осмысление нового термина пользователями.

Применительно к немецкому сегменту воспользуемся подсказками Google. Топ ассоциированных запросов (Google Autocomplete):

1) *toxische person* (токсичный человек)

2) *toxische beziehungen* (токсичные отношения)

3) *toxische maskulinität* (токсичная маскулинность)

4) *toxische eltern* (токсичные родители)

5) *toxisches megakolon / epidermale nekrolyse* (медицинский термин «токсический мегаколон / некролиз»).

Семантические кластеры:

1. Психология и межличностные отношения (ядро): *Person, Beziehungen, Eltern* (человек, отношения, родители) — фокус на типах людей и видах отношений.

2. Гендерные и социальные исследования (устоявшаяся категория в немецком сегменте): *toxische Maskulinität* — как мы уже указывали, данное сочетание относится к академическому и публицистическому дискурсам, что указывает на его устойчивость, закреплённость в языке.

3. Специализированная (медицинская) лексика: Наличие медицинских терминов, например, диагнозов (*toxisches Megakolon*) в топе показывает, что прямое, терминологическое значение слова остается высокочастотным и конкурирует с метафорическим.

4. Заключение = Conclusions

Итак, сопоставительный анализ в рамках первого и второго этапов анализа показал следующее.

1. Расхождение в лексической системности. Разный путь заимствования метафоры.

Данные корпусов (этап 1) показали, что единица *toxisch* уже прочно встроена в систему немецкого языка, она формирует устойчивые коллокации в социальной и финансовой сферах. Данные трендов (этап 2) подтверждают, что это системное явление, а не следование моде. В русский язык метафора *токсичный* пришла, судя по всему, не напрямую из немецкого или английского академического дискурса, а опосредованно, через глобальную поп-культуру и массмедиа. Это объясняет временной лаг, резкий старт и сильную связь с медийными продуктами.

2. Стадия освоения.

В русском языке единица *токсичный* находится на активной стадии семантического расширения. Семантическая динамика показывает следующее: в фактическом материале (корпусные данные) XX века и в первое десятилетие XXI века присутствует только одна — исходная предметная область: химия, экология, промышленная безопасность, медицина. В последующий период наблюдается отсутствие масштабной экспансии в социальную сферу, метафорические выражения не частотны, только за последние несколько лет (данные запросов и трендов) наблюдается расширение использования лексемы в социально-психологической сфере. Пользователи массово ищут ее значение, диагностируют с помощью данной лексемы межличностные отношения. В немецком языке лексема *toxisch* уже прошла эту стадию (широкая семантическая экспансия в неисходные предметные области началась уже в XX веке) и находится в фазе активного использования и концептуализации в публичном дискурсе.

3. Глубина концептуализации.

Немецкий язык демонстрирует более глубокую концептуализацию, создав устойчивые составные термины (*toxische Maskulinität*), которые стали инструментом социального анализа. В русском языке пока формируется бытовая, прикладная концептуализация, прежде всего в сфере личных отношений.

Таким образом, мы наблюдаем не просто особенности функционирования заимствованного слова, а различные культурно-обусловленные траектории освоения одной концептуальной метафоры в двух лингвокультурах. Причины такой динамики эквивалентных единиц в сопоставляемых языках обусловлены как языковыми контактами, так и особенностями культуры, менталитета. Мы можем говорить о разной степени и глубине калькирования англ. *toxic* в его расширенном, социальном значении. В немецком языке прослеживается сильное влияние английского понятия *toxic* в целом из европейского научного и публичного дискурса; заимствован-

ная лексема была ассимилирована, переосмыслена и заполнила важную концептуальную лауну. В русском языке влияние англоязычного дискурса соответствующей предметной области было меньше, так называемые социальные значения единицы *токсичный* (*токсичная мужественность, токсичные отношения* и др.) воспринимались долгое время как чужие, поскольку русская культура в меньшей степени, чем европейская, подчеркивает фокусируется на деструктивном поведении мужчин в силу традиционно присущих ей патриархальных устоев.

Итак, сопоставительный анализ понятия токсичности в русском (*токсичный*) и немецком (*toxisch*) языковых пространствах, основанный на данных национальных корпусов и поисковой статистики, позволяет не только зафиксировать различные пути ассимиляции рассматриваемого заимствования, но и выявить глубинные различия в культурных приоритетах двух обществ.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.
---	---

Источники и принятые сокращения

1. Дворецкий И. Х. Латинско-русский словарь / И. Х. Дворецкий. — Москва : Русский язык, 1976. — 1096 с.
2. НКРЯ — *Национальный корпус русского языка* [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://www.ruscorgora.ru> (дата обращения 12.12.2025).
3. *Яндекс.Wordstat* [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://wordstat.yandex.ru/> (дата обращения 22.12.2025).
4. DWDS — *Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache* [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.dwds.de> (accessed 15.12.2025).
5. *Google Trends* [Electronic resource]. — Access mode : <https://trends.google.com/trends/?hl=ru> (accessed 23.12.2025).

Литература

1. Буряковская В. А. Квазинаучный термин «токсичный» в современной блогосфере (на материале русского, английского и французского языков) / В. А. Буряковская, О. А. Дмитриева // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. — 2022. — № 5 (168). — С. 132—139.
2. Глуценко О. А. Экология коммуникации : факторы токсичности в медийных текстах / Н. В. Гришанин, Н. В. Кириллина // Коммуникология. — 2021. — Т. 9. — № 4. — С. 160—178. — DOI: 10.30725/2619-0303-2023-4-166-172.
3. Леонтьева Т. В. Языковые индексы единения и вражды / Т. В. Леонтьева // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 10. — С. 70—87. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-10-70-87.

4. *Милованова М. В.* Лингвистическая жесткость гендерных биномиалов / М. В. Милованова, Е. В. Терентьева // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 7. — С. 68–83. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-7-68-83.
5. *Сковородников А. П.* Лингвотоксичные явления в речи и языке / А. П. Сковородников, Г. А. Копнина // Мир русского слова. — 2017. — № 3. — С. 28–32.
6. *Сундиев И. Ю.* «Токсичный» контент в сети Интернет и его влияние на радикализацию молодежи / И. Ю. Сундиев, А. А. Смирнов // Научный портал МВД России. — 2020. — № 4 (52). — С. 35–44.
7. *Попова С. Б.* Функционирование семантической кальки *токсичный* в дискурсивных практиках носителей современного русского языка / С. Б. Попова, Т. М. Шкапенко // Филологические науки в МГИМО. — 2020. — № 6 (4). — С. 56–166. — DOI: <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2020-4-24-156-166>.
8. *Антропова В. В.* «Токсичный медиатекст» как новый термин : опыт концепт-анализа / В. В. Антропова, Е. М. Хакимова, С. И. Симакова, А. Р. Медведева, И. В. Топчий // Знак : проблемное поле медиаобразования. — 2024. — № 3 (53). — С. 50–59. — DOI: 10.47475/2070-0695-2024-53-3-50-59.
9. *Шамне Н. Л.* Колоративные маркеры современности в актуальных культурных конфликтах / Н. Л. Шамне, В. С. Майер // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 8. — С. 181–204. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-8-181-204.
10. *Felder E.* Faktizitätsherstellung mittels handlungsleitender Konzepte und agonaler Zentren. Der diskursive Wettkampf um Geltungsansprüche / E. Felder // Faktizitätsherstellung in Diskursen. Die Macht des Deklarativen. — Berlin, Boston : De Gruyter, 2013. — S. 13–28. — ISBN 978-3-11-028973-2.
11. *Hopf H.* Toxische Männlichkeit — Kampf begriff oder psychoanalytisch erklärbare Persönlichkeitsstörung? / H. Hopf // Die Illusion grenzenloser Verfügbarkeit. Über die Bedeutung von Grenzen für Psyche und Gesellschaft. Martin Teising, Arne Burchartz (Hrsg.). — Gießen : Psychosozial-Verlag, 2023. — S. 139–164.
12. *Rüdebusch F.* Zeit-Wort : Toxisch / F. Rüdebusch // Der Sprachdienst. — 2022. — Heft 1–2. — № 66. — S. 68–70.
13. «*Toxische Männlichkeit*» — Die Folgen gewaltlegitimierender Männlichkeitsnormen für Einstellungen und Verhaltensweisen / D. Baier, M. Kamenowski, P. Manzoni, S. Haymoz // Kriminalistik. — 2019. — B. 73. — № 7. — S. 465–471.
14. *Zifonun G.* Das Toxische und die Männlichkeit / G. Zifonun // Sprachreport. — 2023. — Heft 3. — № 39. — S. 1–6. — DOI: 10.30820/9783837961188.

Статья поступила в редакцию 31.01.2026,
одобрена после рецензирования 27.04.2026,
подготовлена к публикации 02.06.2026.

Material resources

Dvoretzkiy, I. Kh. (1976). *Latin-Russian dictionary*. Moscow: Russian language. 1096 p. (In Russ.).
DWDS — *Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache*. Available at: <https://www.dwds.de> (accessed 15.12.2025). (In Germ.).
Google Trends. Available at: <https://trends.google.com/trends/?hl=ru> (accessed 23.12.2025).
NKRY — *National Corpus of the Russian Language*. Available at: <http://www.ruscorpora.ru> (accessed 12.12.2025). (In Russ.).
Yandex.Wordstat. Available at: <https://wordstat.yandex.ru/> (accessed 22.12.2025). (In Russ.).

References

- Antropova, V. V., Khakimov, E. M., Simakova, S. I., Medvedeva, A. R., Topchiy, I. V. (2024). “Toxic media text” as a new term: experience in concept analysis. *Sign: problem field of media education*, 3 (53): 50—59. DOI: 10.47475/2070-0695-2024-53-3-50-59. (In Russ.).
- Baier, D., Kamenowski, M., Manzoni, P., Haymoz, S. (2019). «Toxische Männlichkeit» — Die Folgen gewaltlegitimierender Männlichkeitsnormen für Einstellungen und Verhaltensweisen. *Kriminalistik*, 73 (7): 465—471. (In Germ.).
- Buryakovskaya, V. A., Dmitrieva, O. A. (2022). The quasi-scientific term “toxic” in the modern blogosphere (based on Russian, English and French). *Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University*, 5 (168): 132—139. (In Russ.).
- Felder, E. (2013). Faktizitätsherstellung mittels handlungsleitender Konzepte und agonaler Zentren. Der diskursive Wettkampf um Geltungsansprüche. In: *Faktizitätsherstellung in Diskursen. Die Macht des Deklarativen*. Berlin, Boston: De Gruyter. 13—28. ISBN 978-3-11-028973-2. (In Germ.).
- Glushchenko, O. A., Kirillina, N. V. (2021). Ecology of communication: toxicity factors in media texts. *Communicology*, 9 (4): 160—178. DOI: 10.30725/2619-0303-2023-4-166-172. (In Russ.).
- Hopf, H. (2023). Toxische Männlichkeit — Kampfbegriff oder psychoanalytisch erklärbare Persönlichkeitsstörung? In: *Die Illusion grenzenloser Verfügbarkeit. Über die Bedeutung von Grenzen für Psyche und Gesellschaft*. Gießen: Psychosozial-Verlag. 139—164. (In Germ.).
- Leontyeva, T. V. (2022). Language Indices of Unity and Animosity. *Nauchnyi dialog*, 11 (10): 70—87. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2022-11-10-70-87>. (In Russ.).
- Milovanova, M. V., Terentyeva, E. V. (2025). Linguistic Rigidity of Gender Binomials. *Nauchnyi dialog*, 14 (7): 68—83. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2025-14-7-68-83>. (In Russ.).
- Popova, S. B., Shkapenko, T. M. (2020). The functioning of semantic tracing paper is toxic in the discursive practices of native speakers of the modern Russian language. *Philological sciences at MGIMO*, 6 (4): 56—166. DOI: <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2020-4-24-156-166>. (In Russ.).
- Rüdebusch, F. (2022). Zeit-Wort: Toxisch. *Der Sprachdienst*, 1—2 (66): 68—70. (In Germ.).
- Shamne, N. L., Mayer, V. S. (2025). Colorative Markers of Modernity in Contemporary Cultural Conflicts. *Nauchnyi dialog*, 14 (8): 181—204. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2025-14-8-181-204>. (In Russ.).
- Skovorodnikov, A. P., Kopnin, G. A. (2017). Linguotoxic phenomena in speech and language. *World of the Russian word*, 3: 28—32. (In Russ.).
- Sundiev, I. Yu., Smirnov, A. A. (2020). “Toxic” content on the Internet and its impact on the radicalization of youth. *Scientific portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 4 (52): 35—44. (In Russ.).
- Zifonun, G. (2023). Das Toxische und die Männlichkeit. *Sprachreport*, 3 (39): 1—6. DOI: 10.30820/9783837961188. (In Germ.).

*The article was submitted 31.01.2026;
approved after reviewing 27.04.2026;
accepted for publication 02.06.2026.*